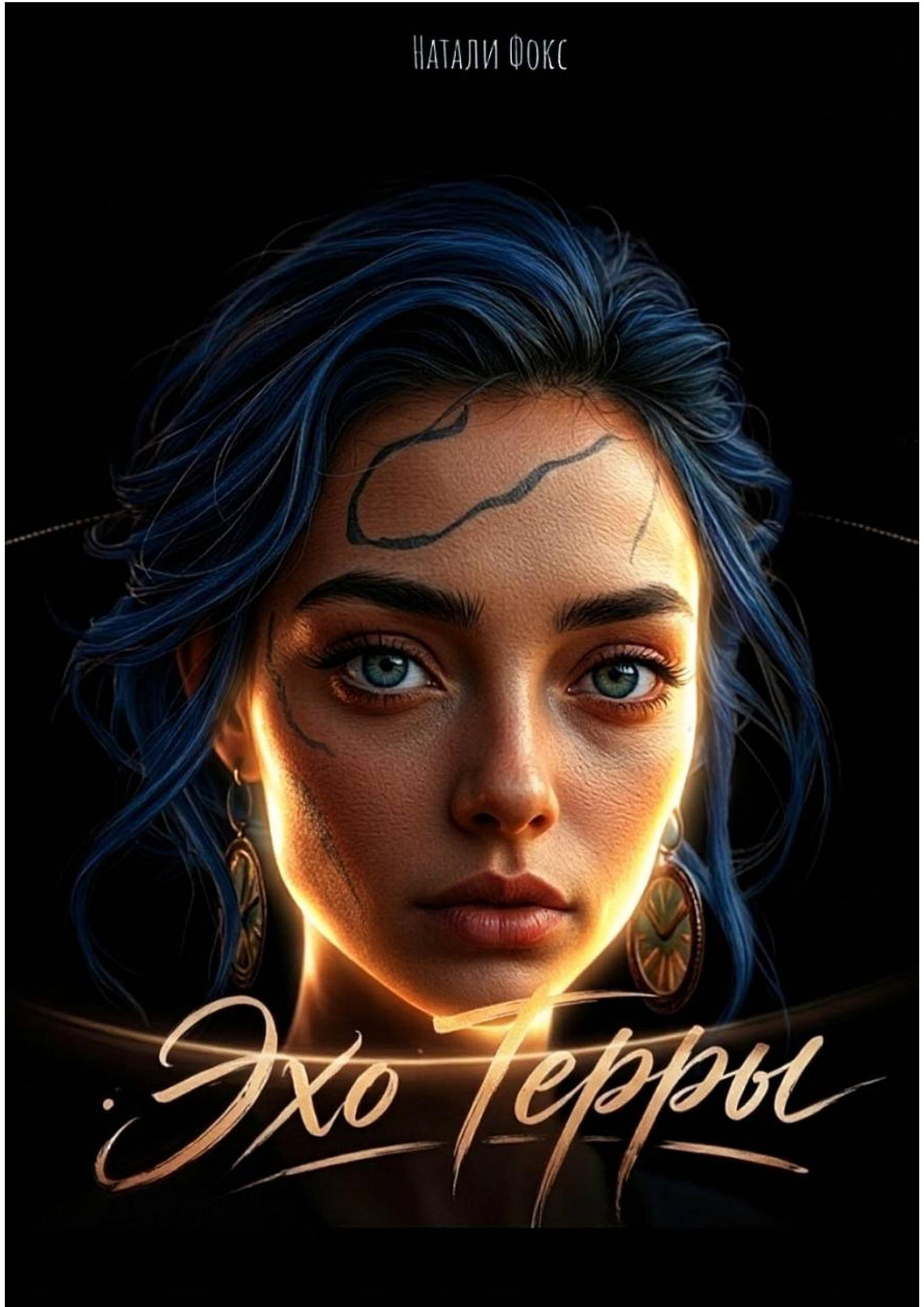
Натали Фокс

Эхо Геры

Натали Фокс

Эхо Терры

«Автор»
2026

Фокс Н.

Эхо Терры / Н. Фокс — «Автор», 2026

Исследовательница Элиара вместе с коллегой Каем находит артефакт, хранящий память о погибшей Терре — планете, уничтоженной изза злоупотребления мощными технологиями. В то время как Кай боится последствий и хочет скрыть находку, Элиара решается донести правду до Верховных олимпов. Её поступок призван превратить трагедию Терры в урок для всей галактики: сила без мудрости и ответственности несёт гибель.

© Фокс Н., 2026
© Автор, 2026

Натали Фокс
Эхо Терры

Эхо Терры
Часть I. Город, который поёт

Шёл 15004 год по марсианскому летоисчислению. На Марсе пульсировала жизнь.

Тусклое и далёкое солнце бросало на Красную планету призрачный свет — холодный, процеженный сквозь миллионы километров пустоты, он казался скорее воспоминанием о тепле, чем самим теплом. Но Марс давно научился жить без снисхождения звёзд. Города были не просто поселениями, а воплощением тысячелетий развития, вершиной марсианской цивилизации — и каждый из них дышал, думал, отзывался на каждое движение своих обитателей.

Олимпия раскинулась в гигантском кратере — чаше, созданной древним ударом и облагороженной тысячелетиями труда. Защищённая от суровых ветров и космической радиации куполом из переливающегося материала, который казался сотканным из самого света, она жила своей особой жизнью. Купол не был просто барьером — он был кожей города, чувствительной мембраной, что улавливала малейшие изменения снаружи и внутри, регулировала дыхание атмосферы, распределяла энергию, как живой организм распределяет кровь.

Внутри купола царил вечный, мягкий рассвет — не резкий, не слепящий, а тот идеальный утренний свет, что бывает только в первые минуты после восхода, когда мир ещё кажется обещанием, а не данностью. Он освещал улицы, вымощенные самовосстанавливающимся полимером, и здания, чьи формы напоминали изящные кристаллические образования — не геометрически правильные, а словно выросшие по законам какой-то высшей, непостижимой симметрии. Там, где стена встречалась с мостовой, они не соединялись — они перетекали друг в друга, как воск, застывший в момент течения. Архитектура Олимпии не знала углов: только дуги, только волны, только изгибы, которым можно было бесконечно следовать взглядом.

Здесь не было привычных машин или громоздких конструкций. Транспорт представлял собой бесшумные, парящие платформы, скользящие по невидимым энергетическим потокам — магнитным линиям, что пронизывали город, как нервные волокна пронизывают тело. Они двигались с такой мягкостью, что пассажир не чувствовал ни ускорения, ни торможения — только тихое, едва уловимое ощущение полёта. Воздух был чист и свеж, наполненный тонким ароматом синтезированных цветов и лёгким гулким напевом работающих механизмов — не шумом, а именно напевом, низким, успокаивающим, почти музыкальным. Иногда, в особенно тихие часы, казалось, что город сам дышит этой музыкой, что она исходит не из механизмов, а из самих стен, из мостовых, из воздуха.

Время от времени можно было услышать напоминание для жителей Олимпии — мягким и мелодичным голосом, что лился отовсюду и ниоткуда одновременно:

— Добро пожаловать на Марс! Живите в умных городах Олимпии, здесь каждый дом оснащён передовыми технологиями для комфорта и безопасности. Здесь вы сможете наслаждаться всеми благами цивилизации, не нанося вреда окружающей среде. Это шанс построить будущее, о котором вы всегда мечтали.

Голос был приятен, но в нём была та безупречность, что граничит с бездушием. Он повторялся с определённой периодичностью — достаточно редкой, чтобы не раздражать, и достаточно частой, чтобы жители помнили: они часть системы, а система заботится о них. Или, возможно, наоборот — система помнит о них, а они должны помнить о системе. Эта тонкая разница редко кого беспокоила. Большинство олимпов давно перестали её замечать.

Обитатели Олимпии — олимпы — были существами, чья внешность отражала их долгую эволюцию и глубокую связь с технологиями. Они были худощавы, их тела казались созданными для грации и лёгкости — не хрупкими, а именно лёгкими, словно марсианское притяжение для них было лишь рекомендацией, а не законом. Кожа их имела глубокий, смуглый оттенок, словно впитавший в себя всю теплоту угасающего марсианского солнца — тот особый бронзово-медный тон, что бывает у людей, живущих под светом, который никогда не станет по-настоящему ярким.

Но самой поразительной чертой олимпов были их волосы — густые, ниспадающие до плеч пряди цвета глубокого индиго, переливающиеся в мягком свете Олимпии. Этот цвет был не просто украшением — он был маркером, знаком принадлежности к миру, где каждый атом подчинён разуму, где материя танцует под дудку мысли. В волосах олимпов играли блики — синие, фиолетовые, иногда почти чёрные, — и казалось, что каждая прядь хранит свою маленькую тайну.

И, конечно, глаза. Огромные, бездонно-голубые, они казались порталами в другие миры, полные мудрости и спокойствия. В них отражалась вся история их планеты, все их достижения и стремления — но также и что-то ещё, что-то древнее и не до конца понятное даже им самим. В этих глазах можно было прочитать вопрос, который олимпы задавали себе на протяжении тысячелетий: правильно ли мы живём? Или просто удобно?

А достижения эти были поистине сверхъестественными. Олимпы освоили энергию звёзд, научились манипулировать материей на атомарном уровне и даже постигли тайны межзвёздных путешествий. Их технологии были настолько интегрированы в их жизнь, что грань между ними и машиной практически стёрлась. Импланты, невидимые и совершенные, позволяли им мгновенно получать доступ к информации, общаться на расстоянии без слов и даже управлять сложнейшими системами одним лишь усилием мысли. Город был продолжением их тел, а тела — продолжением города. Симбиоз, доведённый до абсолюта.

Но даже в этом совершенном мире были те, кто чувствовал себя немного чужим. Те, кому казалось, что за идеальной гармонией скрывается что-то ещё — то, о чём не принято говорить вслух.

Красавица Элиара, олимп с волосами цвета полуночного неба и глазами, в которых плескалось целое созвездие, шла по одной из центральных аллей Олимпии.

Она была исследователем, специалистом по древним межпланетным артефактам — профессия, которая в идеально отлаженном обществе считалась почти анахронизмом. Зачем изучать прошлое, когда будущее так ярко? Зачем копаться в обломках исчезнувших миров, когда можно строить новые? Но Элиара считала иначе. Прошлое — это не пыль на полках. Прошлое — это предупреждение. И иногда — это ключ.

Сейчас она направлялась в Центральный Архив — гигантское хранилище знаний, где информация хранилась не на физических носителях, а в виде энергетических матриц. Это было место, где память цивилизации обретала форму света, где данные танцевали в воздухе, доступные и одновременно недосягаемые. Там её ждал друг, коллега, соратник по духу — Кай.

Элиара шла по подвесной галерее, что соединяла жилой сектор с архивным комплексом. Под ногами скользили транспортные капсулы — их магнитные линии были встроены прямо в структуру галереи, и казалось, что сам воздух поддерживает эти бесшумные, обтекаемые формы. Стены галереи были полупрозрачными, и сквозь них пульсировали световые потоки — визуализация энергии, что текла по городу, словно кровь по венам. Голубые, зелёные, иногда вспыхивающие золотом — это были не просто индикаторы, а живая карта здоровья Олимпии.

Она прошла мимо «живого фасада» — стены одного из административных зданий, что меняла узоры, реагируя на погоду и настроение прохожих. Это был био-интерфейс, гордость олимпийской инженерии: стена считывала эмоциональный фон, уровень стресса, даже частоту пульса и подстраивала свои визуальные паттерны, чтобы создать комфортную среду. Сейчас

фасад переливался мягкими волнами лазури и серебра — видимо, большинство прохожих были спокойны и довольны жизнью.

Элиара поморщилась.

Ей были ближе тишина и факты. Эти бесконечные попытки города «понять» её, «подстроиться» под неё, «улучшить» её настроение — они утомляли. Иногда ей хотелось просто пройти по улице, не будучи частью гигантской системы обратной связи. Не будучи объектом постоянной заботы, которая незаметно превращается в контроль.

— Опять эти фасады поют, — бурчал техник, проходя мимо с переносным диагностическим модулем. — Как будто городу мало данных, ему ещё и чувства подавай.

Техник был немолод — по олимпийским меркам, разумеется. Его волосы уже тронула седина, а на лице залегли морщины, что случалось у олимпов редко: их медицина умела стирать следы времени. Видимо, он сам выбрал их сохранить — как напоминание. Или как протест.

Элиара приостановилась.

— Пусть поёт, — ответила она спокойно. — Лишь бы энергосеть не шалила.

Техник встрепенулся, узнав её. Элиара была известна в определённых кругах — тех, кто занимался древностями, кто задавал неудобные вопросы, кто не вписывался в идеальный узор олимпийского благополучия.

— Да вот именно что шалит, — понизив голос, сказал он. — Смотри.

Он развернул голографический дисплей, и над его ладонью вспыхнула схема энергосети города. Линии были тонкими и яркими, как прожилки на листе, и по ним бежали импульсы — регулярные, почти сердечные. Почти. Потому что у северного купола ритм сбивался — едва заметно, но сбивался.

— У северного купола показатели скачут. Уже третий день. Как будто кто-то тянет мощность из ниоткуда.

Элиара нахмурилась. Скачки энергии были редкостью в Олимпии. Система была отлажена веками, каждый ватт учитывался, каждое колебание гасилось прежде, чем становилось проблемой. Но здесь — здесь была аномалия.

— Причина?

— Никто не знает. Инженеры говорят: «в пределах допустимого». — Техник фыркнул. — Допустимого! Третий день скачков, а они — «допустимого». Я тебе так скажу: что-то там нечисто. И это «что-то» — не из наших систем. Чую нутром.

Он свернул дисплей и зашагал дальше. Элиара смотрела ему вслед.

Скачки энергии. Северный купол. Что-то не из наших систем.

Она не верила в совпадения. Особенно в Олимпии, где всё было рассчитано, предсказано, учтено. Если что-то шалило — значит, была причина.

Элиара продолжила путь, но теперь её шаг стал чуть быстрее, а взгляд — чуть внимательнее.

У входа в Центральный Архив она замедлила шаг.

Здесь, у массивных врат из материала, что казался одновременно камнем и стеклом, всегда было оживлённо. Сотрудники архивов, исследователи, кураторы секторов — все они сновали туда-сюда с отточенными до автоматизма движениями.

Но сегодня Элиара заметила странную группу у бокового входа.

Их было трое — двое мужчин и женщина. На первый взгляд, обычные жители Олимпии: те же смуглые лица, те же тёмные волосы... но что-то в них было не так. Их одежда не подстраивалась под температуру — не меняла цвет и фактуру в зависимости от окружающей среды, как полагалось любой уважающей себя олимпийской одежде. Это была просто ткань. Простого покроя. Словно они нарочно отвергли все достижения цивилизации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.